

РГБ ОД

14 ИЮН 1993

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

На правах рукописи

БАДМАЕВА Лариса Батоевна

ЯЗЫК ЛЕТОПИСИ ВАНДАНА ЮМСУНОВА
(Лексико-грамматическое исследование)

Специальность 10.02.16 -- монгольские языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ 1993

Диссертация выполнена в отделе языкознания Бурятского института общественных наук Сибирского отделения Российской академии наук

Научный руководитель — доктор филологических наук Заслуженный деятель науки Республики Бурятия **Шагдаров Л. Д.**

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук **Пюрбеев Г. Ц.**
доктор филологических наук **Цыденжапов Ш.-Н. Р.**

Ведущая организация — Бурятский государственный педагогический институт им. Д. Банзарова

Защита состоится « 30 » июня 1993 г.
на заседании специализированного совета Д.003.26.01 по присуждению ученой степени доктора наук в Институте общественных наук Сибирского отделения РАН (670042, г. Улан-Удэ, ул. М. Сахьяновой, 6)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра (г. Улан-Удэ, ул. М. Сахьяновой, 6)

Автореферат разослан « 28 » мая 1993 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
доктор филологических наук

Бурсев И. Д.

Актуальность темы исследования. Бурятские исторические летописи, являясь составной частью культурного наследия бурят, отражают многие стороны их общественной жизни. В эпоху тоталитарного режима они, как и все литературное наследие на старомонгольской письменности, долгое время находились в забвении, отодвинутые на задний план. Но все же в истории изучения данных памятников можно выделить два периода: 1) довоенный, когда учеными Института востоковедения АН СССР Н.Н.Поппе, В.А.Казакевичем, А.И.Востриковым была осуществлена публикация текстов бурятских хроник и их переводов с комментариями¹; 2) послевоенный, когда на основе опубликованных до и после войны текстов и переводов бурятских летописей появляется ряд исследований исторических сочинений и других письменных памятников².

В настоящее время, когда исследователями подчеркивается, что дальнейшее развитие бурятского литературного языка будет более плодотворным, если будут освоены его истоки, что становление таких дисциплин, как история бурятского литературного языка, история Бурятии во многом зависит от приобщения лингвистов и историков к богатому литературному наследию на старомонгольской письменности, актуальность изучения летописных памятников приобретает особое звучание.

Цель и задачи исследования. Основной целью настоящей работы является выявление лексико-грамматических, синтаксических особенностей историко-литературного памятника культуры Бурятии XIX века - летописи Вандана Юмсунова "История происхождения народа II хоринских отпов" (*Qori-yin arban nigen eige-yul jon-u yu ijaur-un tuuji*), датированной 1875 годом.

¹ См.: Летописи хоринских бурят: Хроники Тутулдур Тобоева и Вандана Юмсунова.- М.-Л., 1935.- 172с.; Востриков А.И. Поппе Н.Н. Летописи баргузинских бурят: Тексты и исследования.- М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1935; Летописи селенгинских бурят: Хроника Убаши Ю.Ломбошренова.- Вып. 1.- М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936; Летописи хоринских бурят: Хроники Тутулдур Тобоева и Вандана Юмсунова /Пер. Н.Н.Поппе.- М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.- 106с. Труды Института востоковедения. XXIII.

² См.: Бурдукова Т.А. Материалы для истории Бурят-Монголии (Бурятская историческая хроника Ш.Хобитгуева): Дис. ... канд. филол. наук.- Л., 1945; Доржиев Д.-Н.Д. Язык старомонгольской письменности Бурятии: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955; Пидендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные.- Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972.- 662с. .

В соответствии с общей целью в работе ставятся следующие конкретные задачи:

- дать общую характеристику лексического состава летописи;
- дать описание морфологических особенностей летописи;
- изучить синтаксическую организацию языка летописи с позиций лингвистики текста и типологии речи, выявить основную синтаксическую единицу текста летописи, определять структуру данной единицы;
- осуществить полную транслитерацию текста на латинице с целью введения в более широкий научный оборот большого текстового материала на старомонгольском языке.

Материалом для исследования послужил опубликованный И.Н.Попле вариант летописи В.Бусунова, в основу которого положена рукопись под шифром F 88 из коллекции Ц.Зампарано, принадлежащая Институту востоковедения РАН; при подготовке этого варианта к изданию была привлечена рукопись под шифром B 55 из коллекции А.М.Позднеева.

Основными методами исследования явились комплексные методы и приемы лингвистического анализа, широко используемые в современном языкознании: описательно-аналитический, семантический, контекстуальный и метод сплошной выборки.

Научная новизна работы состоит в том, что в Сурятоведении впервые предпринята попытка лингвистическоеведческого исследования историко-литературного памятника XIX века на старомонгольской письменности, в результате которого выявлены специфические особенности лексики и морфологии данного памятника; рассмотрены типы и структуры бурятских топонимов и антропонимов, зафиксированных в летописи; выявлена основная синтаксическая единица текста В.Бусунова и описаны модели сложных синтаксических комплексов (СКК); впервые дана транслитерация текста летописей на латинице.

Практическая значимость работы определяется тем, что результаты исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов по исторической морфологии и лексикологии, историческому синтаксису бурятского языка, при написании истории бурятского литературного языка, при подготовке учебных пособий по старомонгольскому языку и истории книги Бурятии, при составлении толкового словаря бурятского языка.

Апробация работ. Диссертация обсуждалась на заседании отдела языковедения Бурятского института общественных наук СО РАН, отдельные ее положения докладывались на региональных конференциях по ономастике Прибайкалья (Иркутск, 1985, 1986), на научной сессии Бурятского научного центра СО РАН (1986), на VII Республиканской конференции молодых ученых (1987), на "круглом столе", посвященном бурятскому летописанию к 125-летию создания летописи Тугулгура Тобоева (1988), на научно-практических конференциях преподавателей ВСГИК (1986, 1987).

По теме диссертации опубликованы пять статей и ряд тезисов в сборниках научных трудов.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения ("Список использованной литературы", "Список топонимов", "Таблица показателей множественного числа в монгольских языках", "Транслитерация текста летописи").

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении изложены обоснование темы, цель и задачи, актуальность исследования, его научная новизна, практическая значимость; дана характеристика исследуемого объекта и его автора.

Глава I "Лексические особенности летописи" посвящена характеристике лексики летописи Зандана Юмсунова. При этом упоминается, что Ц.Б.Цыдендамбаев в своем труде "Бурятские исторические хроники и родословные", подвергнув систематическому сравнительному рассмотрению характерные особенности лексики классического монгольского языка с соответствующими областями лексики бурятских исторических сочинений, пришел к выводу, что "в языке бурятских памятников на старомонгольской письменности содержатся сотни и даже тысячи слов, унаследованных из монгольского письменного языка и общемонгольского словарного фонда, тогда как местные бурятские слова в них встречаются только десятками и самое большее лишь несколькими сотнями, поэтому они не могут изменить общий облик лексики этих памятников"¹. Материал изучаемой нами летописи в общем подтверждает этот вывод. Вместе с тем данная

¹ См.: Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные.- Улан-Удэ, 1972.- С. 460.

летопись содержит в лексике и много бурятских особенностей.

В § I "Общая характеристика лексики летописи" дается обозрение лексических особенностей лексики по главам летописи, что позволяет представить ее по тематическим группам и кратко ознакомить читателя с содержанием летописи. Так, в первой главе "О том, откуда они получили свое начало и как размножились до настоящего времени" прослеживается история хоринских бурят с древнейших времен до XIX века. При этом она тесно увязывается с историей рода Чингис-хана — борджигинов, с прародителем этого рода Бурту Чоно и его савником Гаргу батором, с сыном его Хори-мэргэном, родоначальником хоринских бурят. Далее показывается жизнь хори-бурят сначала около Байкала, затем во Внутренней и Внешней Монголии и, наконец, в составе России.

В данной главе, написанной простым, ясным языком, употребляются общие для бурятского и старомонгольского языков слова. Затруднения у бурятского читателя могут вызвать лишь традиционные многословные эпитеты ханов, например; *olen-a ergüdegsen qaγan* 'многими возведенный царь', *küjügün sandalitu batu ejin* 'Крепкий властитель, на троне восседающий'; *coγtu včir pani-yin qubilyan tngri-eče jayaγa-tai yajar-um esγua küčün-ü kürdün-i ergigülegci Temüjin čutu boγda Činggis qaγan* 'Темуджин, гениальный богдо Чингис-хан, владеющий колесо могущества земного Эсруа, небом предопределенный пророжденец лучезарного Ваджралани' и др.

В диссертации раскрываются смысловые значения архаичных слов, входящих в состав этих эпитетов и, как правило, отсутствующих в словарях, таких как *čutu*, *včir pani*, *esγua*, *labai*, *toor* и др. Как лексическая особенность данной главы да и всей летописи, отмечено синонимическое употребление книжных старомонгольских, разговорных бурятских и русских заимствованных слов: *kübege*, *eteged*, *ergi* 'Берег реки', *qaγan*, *ca-a-ri* 'царь (русский)', *γourud*, *qot-a* 'город', *obuy-a*, *kile* 'граница', *buruyudaqu*, *duγayaqu*, *tergedekü*, *taγekü* 'убегать' и др.

Особенностью лексики, употребляемой во второй главе памятника "О религиозных верованиях", является насыщенность ее буддийскими терминами и словами. Этот пласт лексики,

приобретающий в настоящее время актуальность в связи с возрождением буддийской религии среди бурят, также слабо представлен в наших словарях.

В диссертации раскрывается значение многих буддийских терминов, например, названий санов и ученых степеней лам: *corji* - поржи, наместник дапана, под непосредственным наблюдением которого протекает вся жизнь дапана, *gebgi* - гэгэи наблюдает за порядком и нравственностью лам, веда-ет наказанием провинившихся, *шжад* - умзад, уставщик и канонарх, обладая хорошим басом первым провозглашает каждую молитву, *nirba* - нирба, казначей, *takilci* - такильчи, веда-ет жертвоприношениями, *duyunci* - дугунчи, храмовый сторож, *jin-a* - джама, монастырский повар, *širegetü* - ширету лама, кафедральный или престоный лама, председательствует во время богослужения.

Как особенность данной главы и всей летописи отмечает-ся то, что эпитеты, прилагаемые к высокопоставленным мон-гольским духовным и светским лицам, традиционные, тогда как к лицам русской императорской семьи, представителям русской и бурятской администрации употреблены в основном калькирован-ные эпитеты, например; *kürdüŋ oršiyuluuci Qubilai beben qaγan* 'вращающий колесо веры Хубилай Сэзэн хан' и др.

В данной главе мало специальных буддийских терминов, относящихся к обрядам и ритуалам буддийской конфессии, к буддийской философии и ее учению в целом. В то же время в третьей главе "О шаманских верованиях" очень много пред-ставлено по обрядовой стороне этой религии, по сопоставкам шаманского пантеона, поэтому терминология и эпитетика этой главы рассматриваются отдельно в следующем параграфе.

В главе четвертой "Об управлении, бывшем изначально и впоследствии" интерес представляют термины, обозначающие должности в старой административной системе бурят, такие, как например, ванги, шуленга, засул, зайсан и др. Раскрыва-ется значение этих терминов. Так, зайсан - это древний ти-тул, известный еще со времен вангской империи, обозначает наследственного владельца отока, улуса. Далее говорится о терминах управления и делопроизводства, которые велись на старомонгольской письменности в бурятских конторах. Как лек-сическая особенность отмечается то, что органы управления

бурят обозначаются в основном русскими составными терминами: *уагаһануи иййiba, мiiгqui гар* 'мирская изба', *stipnuи дүн-е* 'степная дума' и другие.

В последующих главах интерес представляют юридические и канцелярские термины: *аһан йигһүри* 'устное расследование', *йигһүи* 'пытать, допрашивать, производить дознание', *уаһин* кит. я-мень, ст.-монг. управления, присутственное место, канцелярия, *кегем* 'чин, достоинство, звание, сан, должность', *alban* 'повинности', *егелйиген* 'повинность, сменная обязанность'.

Кроме того, в тексте представлены и другие терминологические пласты: а) названия, связанные с животноводством и полеводством, б) названия промыслов, орудий труда и их частей, в) названия домашней утвари, г) названия продуктов питания, д) названия видов жилья, построек, е) названия разных повинностей, ж) названия должностных лиц степных дум и управ, з) медицинские термины. Все они охарактеризованы в диссертации.

Таким образом, общее обозрение лексики данной летописи показывает, что в целом языковой фон отражает общемонгольский словарный фонд. Но следует заметить, что термины, относящиеся к институту управления, титулатура несколько отличаются от монгольских летописей. Так, отсутствуют некоторые слова и выражения, характеризующие феодальный строй Монголии. Кроме того, наличествует большой пласт русских заимствований, что заметно отличает бурятские летописи от монгольских.

§ 2 "Шаманистическая терминология" посвящен анализу лексики самой объемной, третьей главы летописи "Относительно шаманской веры". Специалисты считают ее "непревзойденной работой по бурятскому шаманству, равной которой нет в русской бурятоведческой литературе"¹.

Сначала автор представляет имена героев шаманской мифологии, затем дает подробное описание шаманского ритуала посвящения в шаманы, а также атрибутов шамана. Очень интересны образные многокомпонентные имена персонажей шаманской поэзии. Как пишет автор, имеется всего 99 объектов по-

¹ См.: Летописи хоринок бурят: Хроники Тутултур Тобоева и Ванцана Юсупова. - М.-Л., 1935. - С. IX.

читания: 55 западных и 44 восточных тангриев. Наиболее почитаемые из них приведены в диссертации.

Благодаря выразительным определениям мифические божества имеют вполне конкретные образы, например, один из духов-геншей, оберегающих людей от разных заболеваний, описан так:

Живущий на юго-западе,	Barayun urida ŷŷg-tŷ
на белой снежной горе,	ŷazutu ŷayan ayula nituy-tai=
едущий на белом льве,	ŷayan arsulan kŷlge-tei=
имеющий белый серебряный посох,	ŷayan mŷnggŷn tuluyur-
Вечный Белый старец .	tai= ŷay-i ŷayan ebŷgen=

Начальная аллитерация, рифмованность, стилистический повтор, полногласие и ритмичность слогов придают поэтический характер таким эпитетам божеств.

Автором употреблены и такие образные эпитеты: *yal ulaŷaa selem-e-tei* 'размахивающий огненно-красным мечом', *iligen qara qabŷayai ŷilayun-du bayir-a-tai* 'пребывающий в печеночно-черных скалах', *uke ŷar-a pomote* 'с крепким желтым луком' и др.

Обряд посвящения в шаманы, называемый "шанаŷ", представляет собой сложный комплекс ритуалов, таких как *eke ŷayan ŷinar* 'мать - белый шанаŷ', *burqan ŷarbul-un ŷinar* 'шанаŷ бурхан гарбала', *qamniyan ŷarbul-un ŷinatanar* камниганского гарбала, *uke ŷinar-un ŷula tabilyu* 'положение лампад великого шанаŷа', *ŷinar-un uke ukiyal* 'великое омовение матери белого шанаŷа', *ŷamige-yin sŷni* 'ночь проводов', *9-dŷki ŷil-un nouitun ŷinar* 'скрытой шанаŷа девятого года' и других.

В диссертации описаны также термины шаманской атрибутики. Например; *ŷaytai* 'кусочек бересты, сложенный треугольником, в который кладут масло и сметану', *amitai ukiyal-un zengder* 'помост омовения амитая', *amitai* 'шаманские принадлежности', *tŷŷŷrge* 'толстое дерево, пропущенное через дымовое отверстие юрты и украшенное разноцветными лоскутками', *ŷauŷarŷi* 'ритуальный головной убор шамана', *kebbŷeg* 'короткая по поясу шуба с пришитыми 25 медными кольцами и многочисленными колокольчиками и бубенчиками', *soŷhi* 'шаманские трости' и другие.

Хотя и в настоящее время шаманство в какой-то степени активизировалось, все же многие термины отходят в пыльный запас и забываются. Поэтому описание и систематизация шана-

нистической терминологии, изучение ее со стороны этимологии имеет определенный научный интерес.

В §Э "Ономастический материал" рассмотрены топонимы (гидронимы, оронимы, ойконимы и т.д.) и антропонимы, в большом количестве представленные в летописи. В диссертации дано общее обозрение топонимов летописи, их структурная характеристика и сделана попытка выявить их этимологию.

Топонимический материал летописи В.Юмсунова свидетельствует о том, что ареал расселения хоринских бурят в XVIII-XIX вв. охватывал современные районы Республики Бурятия (Бичурский, Еравнинский, Заиграевский, Кяхтинский, Кяхтинский, Мухоршибирский, Селенгинский, Хоринский) и некоторые районы Читинской области.

Топонимы хоринских бурят отличаются структурным разнообразием. Представлены: бессуффиксальная однокомпонентная модель (Bar, Qotoyol, Qunila), однокомпонентные модели с топоформантами -tu/-tū (Širingge-tū, Todqo-tu, Ege-tū), -tai/-tei (Yaltai, Kilyana-tai, Ünege-tei), -liy (Jaryaliy), -nyar (Jiran Putangyar). Далее рассмотрены двух- и многокомпонентные названия, которые маркированы индикаторами, указывающими на пространственное расположение объекта на местности (Jegün/Barayun Gaurai, Aru Qasurtai), на величину объекта (Yeke/Bar-a Yorgon), на время образования объектов (Šine / Qaušın Jarim) и другие. Выделены разновидности двухкомпонентных моделей, содержащие апеллятив и географический термин (Adaun čilayun, Okin bulay). При этом апеллятивное значение некоторых топонимов расширяется на базе эвенкийского, бурятского, монгольского и отчасти якутского языков.

В диссертации произведена идентификация топонимических единиц летописи с современными названиями.

Антропонимический материал, содержащийся в летописи, представляет большую ценность для изучения в историческом аспекте личных и фамильных имен хоринских бурят, ибо данный памятник написан на основании подлинных документов, хранящихся в степных думах и содержит имена реальных лиц, фигурировавших в истории хоринцев.

В диссертации выявлено около 320 антропонимов, в составе именишника представлены имена предков хори-бурят, имена

известных ламаистских деятелей, первых бурятских лам, первых бурятских тайшей, зайсанов, засулов; имена русских царей, сибирских должностных лиц и т.д. По языковой принадлежности в именной летописи выделены три пласта: тибетско-санскритский (самый многочисленный), исконно бурятский и славянский. Дана также семантическая и структурная характеристика имен.

Глава II "Морфологические особенности летописи" посвящена краткому обзору морфологических особенностей именных и глагольных форм, а также некоторых служебных частей речи.

В § I "Именные формы" подробно рассмотрены показатели множественности с тем, чтобы на материале конкретной летописи наиболее полно проследить особенности употребления одной морфологической категории, поскольку в одной работе невозможно одинаково подробно осветить все вопросы.

В летописи В. Юсупова категория множественного числа выражается показателями *-s*, *-d*, *-ud*, *-nud*, *-nar*, *-tan*. Каждый из них отличается определенной особенностью употребления. Так, один из древнейших формантов *-s* значительно реже употребляется в данной летописи по сравнению, например, с монгольской летописью "Алтан тобчи", наблюдается варьирование показателей *-s*, *-d* после одних и тех же основ в хронике В. Юсупова, что отражает наметившуюся в разговорном бурятском языке тенденцию постепенной замены форманта *-s* другими (*-d*, *-nud*). Показатель *-nar* в классическом языке присоединялся к основам, обозначающим только лица. В тексте В. Юсупова этот показатель встречается в 139 словах, причем в 64 случаях они следуют за именами, обозначающими не-лица, а в остальных 75 словоформах использован по правилам классического языка.

Рассмотренный в диссертации материал позволяет заключить, что в языке летописи В. Юсупова ощущается заметный сдвиг в употреблении показателей множественности в сторону современных норм бурятского языка. В то же время в нем используются некоторые архаичные показатели и не находят отражения некоторые позднейшие новообразования.

В остальных морфологических формах не наблюдается такое количество отступлений от правил старомонгольского языка.

Падежные показатели. В языке летописи В.Кюсунова употребляются все восемь падежей старописьменного языка: именительный, родительный, винительный, дательно-местный, исходный, орудный, соединительный и соемственный.

Именительный падеж в позиции подлежащего сопровождается особыми показателями (inu, anu, ber, gedeg, geg'ci, kemedeg, kemedg'ci). Наиболее употребительны в тексте летописи показатели inu, anu, kemedeg, gedeg, geg'ci.

К спорадическим особенностям употребления родительного падежа относятся:

- использование неполной основы с неустойчивым и (arisu-yin 'пшурь');
- появление вставного и после основ с конечным гласным (qadan-u 'горы');
- появление показателя -giin после имен с долгим гласным (Ana-a-giin 'Снинская');
- появление показателя -i в м.-у/и (naran-i 'солнца').

В употреблении винительного падежа замечены следующие особенности:

- использование неполной основы с неустойчивым и (olan modu qarquyad 'много деревьев вытесает');
- сохранение конечного и в именах, употребляемых при переходных глаголах (dayin kilü-yi jakiruyusan 'приказал начать войну').

В тексте летописи В.Кюсунова под влиянием разговорного языка наблюдается употребление показателей дательного-местного падежа -dur/dür, -tur/-tür без конечного r в виде -du/-dü, -tu/-tü, -da/-de, -ta/-te (čay-tur/čay-tu 'во время', üye-de 'во времена', Aru Mingji-yin qarayul-da 'в Ару-Мензинском карауле').

В употреблении показателя исходного падежа -ača/-eče, -ča/-če особых отклонений не наблюдается, кроме того, что иногда этот показатель, как и другие, пишется слитно (emüne-če 'спереди').

Особенностью орудного падежа является:

- употребление одного показателя вместо другого (üye-tuer 'в м.' üye-ber 'во времена');
- использование неполной основы с неустойчивым и (20-20 mǎngge-ber 'по 20 копейк').

В тексте В.Амсунова форматив соединительного падежа -лууа/-лүге довольно активно употребляется наряду с показателем совместного падежа разговорного бурятского языка -tai/-tei (эмэгел-теi морин 'оседланная лошадь', бөдө-үйн кешекү илүс-нар-лууа 'с народом бэде').

Также отмечается, что для данной летописи характерны следующие случаи употребления двойных падежных форм:

- совместного и винительного падежей;
- родительного и орудного;
- совместного и исходного.

В §2 "Глагольные формы" рассмотрены повелительные-желательные и изъявительные формы глаголов, причастия, деепричастия и вспомогательные глаголы. Результаты анализа показали, что основные глагольные формы, употребляемые в тексте памятника, совпадают с таковыми классического монгольского языка. Более того, состав и употребление не только знаменательных, но и служебных частей речи в языке летописи совпадают с традициями классического языка. В частности, употребляются одинаковые служебные слова:

- союзы (присоединительные, разделительные, условные);
- послелоги;
- частицы (отрицания, вопросительные, выделительные, притяжательные).

Таким образом, в диссертации делается вывод о том, что парадигма склонения имен и изменения глаголов классического языка в изучаемом памятнике выдерживается автором. Имеющиеся отклонения следует рассматривать как влияние разговорной стилистики халха-монгольского и бурятского языков.

Глава III "Синтаксические особенности летописи В.Амсунова" посвящена рассмотрению стереотипной синтаксической конструкции, большей чем предложение, которая доминирует в синтаксисе данного сочинения.

В §1 "Сложный синтаксический комплекс - основная единица синтаксиса летописи, необходимость изучения ее с позиций лингвистики текста" показывается, что типичные синтаксические конструкции летописей состоят из аналогов тесно взаимосвязанных законченных предложений, образующих особую синтаксико-стилистическую единицу, - сложное синтаксическое целое (ССЦ) или сверхфразовое единство (СФЕ). Поэтому их

уместнее изучать в рамках сформировавшейся в последние годы новой дисциплины - лингвистики текста.

Например, вот одна из типичных конструкций: Teyin bayitala=tede yeke degedü ejin imperatur nigedüger Ilay-sangdur qayan ber= arad amitan-i angqaran Ürsiyejü= tedeg-iyen eldeb buduу ba içirgene ning qalayun taqui-nud-ača aršilaqu-yin tulada= 1808 on-du qori-yin medel-ün jon dot rača= 19 bğged uqayan ba šidal-tai niyur-nud-i sungayula tedeger-ün ros emči-ner liikar-nud-un suryayulin-a abcu= abural-tu űker čečeg tariqu-yin tula suryayad= deden-dür sang-ača salin ügčü= deden-ü alba pobinosti eldeb egeļjiу nüd-i künggülejü= jon oturača moris-ud-i unaju sayad-üge yabuqu-yin uluyan-u jakirulta-nudi qayiralan= jon-dur yabu yulaju= abural-tu űker-ün čečeg-i čimdayulan tariyulaysan-iyar uriduni boluduу buduу-a taqui anu joysoju= arad ber tegün-eče ayuqu-ügei amurayad= tedeger čečeg tariučid anu= atural-tu űkerčečeg-üd-ün űšinig kemen nerelegededeg bui=

'Тем временем его величество государь император Александр I оказал внимание и милосердие людям приказал в 1808 году в целях охранения их от оспы и различных сыпей, горячек и поветрий, выбрать из среды народа хоринского ведомства девятнадцать умных и способных лиц и, приняв их в русские лекарские школы, обучать их производству предохранительных прививок коровьей оспы, дать им казенное содержание, освободить их от повинностей и соблюдения всяких казенных нарядов. Он соизволил издать распоряжение насчет подвод на предмет беспрепятственного передвижения их верхом на конях, послал их к народу и приказал производить предохранительные прививки коровьей оспы, благодаря чему прежде появлявшиеся эпидемии оспы приостановились, народ перестал их бояться и получил покой. Что же касается тех прививающих оспу, то они называются оспопрививательными учениками'.

Как видно, здесь одной синтаксической конструкцией выражен ряд самостоятельных мыслей. В ходе изложения несколько раз меняется предмет мысли. Сначала говорится о том, что император Александр I оказал милосердие и приказал обучить способных людей из бурят оспопрививанию. Далее

говорится о том, где должны обучаться эти люди, какие им льготы предоставлять. Следующими новыми мыслями являются те, что благодаря этим мерам эпидемия оспы приостановилась, народ перестал их бояться, а люди, прививавшие оспу, стали называться оспопрививательными учениками. Таким образом, данная конструкция как бы распадается на четыре достаточно автономные части - блоки, в каждой из которых имеется свой предмет мысли: в первом - *Ilaysangdur qayan ber* 'государь император Александр', во втором - *taqi anu* 'эпидемия оспы', в третьем - *arad ber* 'народ', в четвертом - *śeśeg tariwid anu* 'прививавшие оспу'. Все они могут являться подлежащими самостоятельных предложений. Спустив некоторые несущественные второстепенные члены, эту конструкцию можно трансформировать в ряд законченных предложений, тесно связанных по смыслу и другим параметрам: *Nigedüger Ilaysangdur qayan ber Uker-ün śeśeg-i ċimdayulan tariyultai. (Tegün-eśe) tuduy-a taqi anu joyotai. Arad anu amuratai. Tedeger śeśeg tariwid anu ħainig kemeŋ nerelegdedeg tui.*

Император Александр I заставил в спешном порядке производить предохранительные прививки коровьей оспы. (Благодаря этому) эпидемия оспы приостановилась. Народ получил покой. Те люди, которые прививали оспу, называются оспопрививательными учениками'.

В сказуемые таких предложений трансформируются инфинитивные глагольные формы: *tariyulaysan-iyar* (причастие прошедшего времени в орудном падеже), *joyoju* (соединительное деепричастие), *amuruad* (разделительное деепричастие). Таким образом, в блоках эти глагольные формы функционируют в роли сказуемых, поэтому выполняют предикативную роль, что видно из их перевода на русский язык, ибо эти блоки воспринимаются как отдельные предложения. Однако в форме причастия или деепричастия, то есть ^{не}окончательной формы глагола, они не могут составить самостоятельные предложения. Поэтому сказуемыми их можно называть условно. Другие глагольные формы внутри этих блоков зависят от подлежащего и сказуемого этих блоков. Например, к субъекту *Ilaysangdur* относятся *aršiyeyu* (соединительное деепричастие), *aršilaqu-yin tulada* (будущее прич.з род. пад. с послелогом), *abču*

(соединительное деепричастие), *yuryayad* (разделительное деепричастие), *ugçu* (соединительное деепричастие), *küng-gülejü* (соединительное деепричастие), *qayıralan* (слитное деепричастие), *yabuylajü* (соединительное деепричастие).

Следует отметить, что сказуемые блоков выполняют функцию межразовых скрепок между частями. Конечный предикат этой конструкции выражен многократным причастием в форме страдательного залога *nerelegdedeg* 'называются' с глагольной связкой *tüi*, являющейся формой причастия настоящего времени вспомогательного глагола *bü*- 'быть'. Данная конструкция имеет общий связующий элемент *teyin bayıtala* 'тем временем'.

Г.Д.Санзеев вслед за А.А.Робровниковым употреблял для обозначения таких длинных синтаксических конструкций старосписменного языка термин "период". Но под периодом в современном языкознании понимается очень распространенное простое или сложное предложение, отличающееся эмоционально-экспрессивной окраской, особым интонационным рисунком (повышение и понижение) и ограниченностью сферы употребления (в основном, в поэзии). В бурятском языке образцом такого периода являются начало поэмы Х.Намсараева "Устан гэлэней үгэ" ("Слово старого гэлэна") или зачины в улигерах. Подобные конструкции в поэтических произведениях бурятоведы И.С.Хамгушкеев, Ц.Ц.Цыдыпов, Л.Д.Шагдаров называют периодами.

Старомонгольские "периоды" не имеют такого специального функционального назначения и отличаются по своей структуре.

Доминирующие синтаксические конструкции данной летописи более близки к сверхфразовым единствам или сложным синтаксическим целым ввиду того, что они, составляя единство, в то же время состоят из множества распространенных частей, которые при их расщеплении и соответствующем оформлении могут составить несколько тесно связанных самостоятельных предложений (ССЦ или СФЕ). Таким образом, эти конструкции старосписменного языка можно рассматривать как аналоги современных СФЕ. Нам представляется, что типичные

конструкции нашей и других летописей должны изучаться с позиции лингвистики текста, исследующей сверхфразовые единства. Подобные распространенные полипредикативные конструкции старописьменного языка мы называли сложными синтаксическими комплексами (ССК), тем самым отличая их от ССЦ или ССБ. В связи с этим дается обзор взглядов специалистов и рукоястов по определению сущности текста, его основных единиц - ССБ, ССЦ, периода, абзаца.

В §2 "Структура сложного синтаксического комплекса, модели ССК" отмечается, что каждый ССК расщепляется на несколько микротематических отрезков - блоков, которые с оговорками можно рассматривать как грамматические основы в этих полипредикативных конструкциях. В одном ССК этих блоков может насчитываться от двух до восьми и более. Например, в ССК, озаглавленном "С пожалованием золотых знамен", содержится 11 блоков. Возглавить блоки ССК могут инфинитивные формы глагола - деепричастные, причастно-падежные, причастно-послеложные, именные и другие формы. Таким образом, блоки - это, как правило, причастные и деепричастные конструкции (могут быть и другие конструкции), имеющие собственные подлежащие в именительном или орудном падежах. Без этих подлежащих, за исключением односоставных, они рассматриваются как обороты в составе этих блоков. Итак, блок - это моносубъектная конструкция с единым для всех его частей подлежащим. В функции завершающих ССК сказуемых выступают окончательные глагольные формы настоящего-будущего времени, причастия и иногда именные формы с предикативными частицами.

ССК тесно связан с типами речи: имеются ССК повествовательного, описательного вида, а иногда и ССК-рассуждения.

В данном параграфе дается описание различных моделей ССК, которые представлены в виде графических схем. Структура ССК чрезвычайно разнохарактерна и вариативна, что свидетельствует о том, что это не столько языковые модели, сколько речевые образования.

В заключении формулируются основные выводы исследования, намечаются перспективы дальнейшего развития поднятых в диссертации проблем.

В итоге рассмотрения объекта нашей работы можно сделать

выводы:

- характер языка данной летописи в своей основе не отошел от системы классического монгольского языка, вместе с тем имеются довольно существенные отклонения в сторону разговорного бурятского языка. Наличие русских заимствований является одной из главных лексических особенностей бурятских летописей;

- парадигма склонения имен и изменения глаголов в своей основе соблюдается автором в соответствии с правилами классического монгольского языка. Некоторые грамматические формы вышли из употребления в современном литературном языке. Различные формы вспомогательных глаголов а-, бо- 'быть' бытуют в современном литературном языке в виде предикативных частей;

- основной синтаксической единицей текста летописи является сложный синтаксический комплекс (ССК) - полипредикативная конструкция, близкая к сверхфразовым единствам (СФЕ) или сложным синтаксическим целым (ССЦ), состоящая из множества зависимых предикативных единиц, завершенность конструкции придает финитное сказуемое.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Топонимические названия в летописи Вандана Юмсунова // Исследования по ономастике Бурятия.- Улан-Удэ, 1987.- С. 55 - 74.
2. Формы множественного числа в языке летописи Вандана Юмсунова // Грамматическое своеобразие бурятского языка.- Улан-Удэ, 1987.- С. 39 - 103.
3. Лексические особенности языка летописи Вандана Юмсунова // Лексикологические исследования монгольских языков.- Улан-Удэ, 1988.- С. 93 - 103.
4. Текст как лингвистическая единица и средство обучения // Тез. докл. XII научно-практ. конф. БГУИХ.- Улан-Удэ, 1988.- С. 31 - 32.
5. Бурятские летописи как памятники книжной культуры // Книга и книжное дело в Сибири: история, современность, перспективы развития.- Новосибирск, 1989.- С. 137 - 170. *(в соавт.)*
6. С семантике бурятских антропонимов // Ономастика юга Восточной Сибири и Монголии. Тез. докл. к региональной конф.- Иркутск, 1989.- С. 24.
7. Антропонимы в бурятской летописи Вандана Юмсунова // Исследования по ономастике Прибайкалья.- Улан-Удэ, 1990.- С. 33 - 39.
8. Сложный синтаксический комплекс в языке бурятской летописи В.Юмсунова // Исследования по синтаксису монгольских языков.- Улан-Удэ, 1991.- С. 37 - 50.
9. Бурядадай угай бэцэгүүд.- Улаан-Удэ: Бурядадай номой хэблэл, 1992.- *(в соавт.)*.

Формат 60×84^{1/16}. Печать офсетная. Бумага писчая.
Заказ 98 Тираж 100. Объем 1,00 п. л.

ТОО «Олзон»
670042 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой 6